

Л.О. Леванда

Горячее время

Роман из последнего польского восстания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.О. Леванда**
Горячее время: Роман из последнего польского восстания / Л.О. Леванда – М.: Книга по Требованию, 2013. – 352 с.

ISBN 978-5-518-01303-2

ISBN 978-5-518-01303-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НА ПРАВО ИЛИ НА ЛѢВО?

I.

Раскрываемъ подаренный намъ дневникъ одной еврейской дѣвушки и читаемъ:

20-го іюля 1861 года.

«Сегодня мои именины; виновата... день моего *рожденія*: у евреевъ вѣдь вѣтъ именинъ, потому что нѣтъ канонизованныхъ святыхъ. Потому-ли, что мы всѣ должны быть святыми, божіими людьми, или потому—что синагога не признаетъ рожденнаго во грѣхѣхъ человѣка святымъ?... Мы даже Моисея не празднуемъ! Это странно. Нужно когда нибудь спросить объ этомъ у людей знающихъ.

Родители, по обычаю, подарили мнѣ дорогое платье и еще болѣе дорогой браслетъ. Что имъ и дѣлать-то, если не баловать свою единичку? Мои подружки послали мнѣ съ полдюжины изящныхъ бездѣлушекъ и поздравительныхъ карточекъ. Мама перебираетъ ихъ, всматривается, любитъ ими и пожимаетъ плечами. «Въ наше время,—вѣроятно, думаетъ она,—этого и въ заводѣ не было». «Хорошо, хорошо»,—говоритъ она поминутно. Это означаетъ, что ей очень нравится, что и другіе меня балуютъ.

— Моше, Моше,—подзываетъ она папашу. Что это за фигурки? спрашиваетъ она, указывая на рисунокъ заинтересовавшей ее карточки,

— Это, должно быть, ангелы,—отвѣчаетъ отецъ, бросивъ взглядъ на карточку.

— Ахъ, да, ты правъ, Моше. Это точно ангелы: и крылышки у нихъ золотыя; вѣдь это крылышки?

— Крылышки.

— Я хотѣла бы только знать, это наши ангелы, или *ихние*?

— Ангелы, какъ ангелы, что у *нихъ*, что у насъ, отвѣчаетъ отецъ.

— Отчего же они безъ шапокъ?

— А оттого, что это рисовали христіане. Они и нашего учителя Моисея также рисуютъ съ непокрытою головою.

— Такъ, можетъ быть, этихъ фигуръ нельзя держать въ еврейскомъ домѣ?—освѣдомляется моя набожная мама.

— Ничего,—отвѣчаетъ отецъ,— вѣдь это игрушки.

— Стало быть, въ томъ нѣтъ никакого грѣха?

— Никакого; беру это на себя.

— Соня! Соньца! Сонюшка!—взываетъ меня мама.

Нечего дѣлать, нужно идти.

Добрая мама! Она всегда предугадываетъ и предупреждаетъ мои желанія.

— Знаешь что, Сонюшка?—начала она, когда я вошла въ залу.

— А что? спросила я.

— А то, что ты должна сегодня пригласить на вечеръ твоихъ подружекъ, которыя вспомнили, что ты сегодня именинница.

Я бросилась цѣловать руки у мамашки.

— Я только-что хотѣла было просить васъ объ этомъ, сказала я, растроганная предупредительностью моей доброй матушки.

— А что, видишь,—сказала она, торжествуя,—и мы знаемъ новыя порядки, даромъ, что старики и не образованы. Правда, въ наше время, евреи именинъ не справляли: не въ обычаѣ было. Но теперь не то, все на нѣмецкій манеръ пошло. Лучше это или хуже—не намъ разбирать; вѣроятно, такъ Богу угодно, а коли Богу угодно, такъ значить исполняй, что приказано. Именины такъ именины! Такъ вѣдь, Сонюшка?

— Такъ, — отвѣтила я, удивляясь безхитростному, но практическому взгляду мамы на *новые порядки*, съ которыми другіе родители какъ я знаю, не такъ легко мирятся.

— Теперь, Сонюшка, ты мнѣ скажи, на сколько персонъ ты рассчитываешь. Я, какъ хозяйка, должна это знать, чтобы распорядиться на счетъ посуды и всего прочаго. Я ужасно не люблю суетиться, когда гости на порогѣ. Въ попыткахъ сама не знаешь, что и дѣлать. Все изъ рувъ валится: то того вѣтъ, то другаго, и подаешь не то и не такъ, какъ слѣдуетъ. Однимъ словомъ, срамъ да и только; а я срамиться не хочу: уже сорокъ лѣтъ хозяйкою, съ Божіею помощію, стало быть, я порядки должна знать. И такъ, душечка, сколько человѣкъ гостей у тебя сегодня будетъ?

— Я думаю, персонъ шесть или семь.

— Это только подруги, а еще кого ты намѣрена пригласить?

— Кого еще приглашать?

— А учителя музыки?

— Ахъ да, я чуть было не забыла про учителя музыки.

— А панну Изабеллу?

— Зачѣмъ панну Изабеллу? Она вѣдь мнѣ уже не гувернантка.

— Ишь, какая ты неблагодарная! упрекнула меня мама. А кто научилъ тебя говорить по французскому? а? забыла? Фи, Соничка, не хорошо забывать старыхъ друзей.

Поддавшись лести хитрой польки, мама считала m-lle Изабеллу нашимъ домашнимъ другомъ; но мнѣ очень хорошо было извѣстно, что m-lle Изабелла въ душѣ ненавидитъ, презираетъ насъ, завидуетъ намъ и въ польскихъ домахъ издѣвается надъ нами, въ особенности же надъ моею доброю матушкою, которую она обворожаетъ своею поддѣльною любезностью. Я не вывожу матушку изъ заблужденія, потому что это глубоко опечалило бы ея добрую, вѣрующую, любящую душу. Поэтому я и теперь согласилась пригласить Изабеллу на вечеръ, хотя мнѣ всегда неприятно встрѣчаться съ нею и принимать ея предательскія лобзанія, на которыя она совсѣмъ не скупа. Не помню, отъ кого я это слышала, что чѣмъ человѣкъ хитрѣе, тѣмъ онъ расточительнѣе въ раздачѣ ничего

ему не стоящихъ ласкъ и любезностей. Должно быть, что это правда.

— Теперь, Соничка, — начала опять мама: — условимся на счетъ угощенія.

— Даже и объ этомъ нужно условиться? — возразила я, — что вы подадите, то и будетъ хорошо.

— Для тебя вѣдь все хорошо, — сказала мама съ уворомъ, — даже ничего не подавай и то хорошо будетъ. Ты вѣдь однѣми книжками да музыкой и живешь. Но я знаю, что есть люди, которые отъ книжекъ и музыки не бываютъ сыты, хоть ты имъ весь свой швапъ съ книгами отдай.

Мамапа никогда не пропускала случая пожуричь меня за мое *легкое* отношеніе къ пищѣ.

— Тебѣ смѣхъ, — сказала мама, замѣтивъ мою улыбку, — а мнѣ совсѣмъ не до смѣху, когда вспомню, какъ ты надъ книжками здоровье твое портишь. На, всмотришь въ зеркало, развѣ такое должно быть лицо у молодой дѣвушки нашего состоянія? Другіе, пожалуй, еще подумаютъ, что мы скраги какіе нибудь, ѣсть тебѣ жалѣемъ.

-- Ну, ужъ этого никто не подумаетъ, — успокоивала я мама, — кто не знаетъ, что вашей дочери развѣ птичьяго молока недостаетъ? А что до здоровья, то будьте увѣрены, матушка, что въ этомъ отношеніи могу поспорить съ любой изъ моихъ ровесницъ, которыя толще и румянѣ меня. Но послушаемъ лучше, чѣмъ вы намѣрены подчивать моихъ гостей?

— Чѣмъ я намѣрена угостить? — переспросила мама, — а вотъ чѣмъ: сперва чаемъ, потомъ фруктами и вареньемъ, а потомъ закускою, а на послѣдокъ.....

— Чѣмъ еще? — полюбопытствовала я.

— А на послѣдокъ — ничѣмъ — съострила мама, потирая руки отъ удовольствія, что ей удалось озадачить меня на секунду.

— Ну и ладно, — отвѣтила я.

— Ладно то ладно, но я еще не рѣшила на счетъ того, какую закуску подавать, молочную или мясную.

— Не все-ли равно? — замѣтила я.

— Въ томъ то и дѣло, что не все равно, — отвѣтила мама. Поѣду посоветуюсь съ Ривой.

И она ушла на кухню.

II.

21-го іюля.

Вечеръ вполнѣ удался. Были даже кавалеры: м-лле Изабелла пришла съ своимъ кузеномъ, паномъ Вацлавомъ; Полинъка Кранцъ догадалась привести своего брата Адольфа; а учитель музыки, пожертвовавъ своими послѣбобѣденными уроками, пришелъ не позже другихъ гостей.

Сначала, какъ водится, было немного скучно. Мужчины не были знакомы другъ съ другомъ, а дамы видимо стѣснялись въ присутствіи м-лле Изабеллы, которой почему-то вздумалось разыгрывать роль *grande dame*. Она расположилась на диванѣ и оттуда конфузила всѣхъ своими, то испытующими, то покровительственными взглядами. Ироническая улыбка не сходила съ устъ ея. Мэри Тидманъ то и дѣло краснѣла, задыхаясь въ своемъ туго-станутомъ корсетѣ; Полинъка Кранцъ дулась; Анна Израельсонъ металась на своемъ стулѣ, поминутно поправляла на себѣ платье, не зная, куда дѣвать свои руки; а Ревевка Гецель, завладѣвъ медальономъ Сары Тембесъ, такъ впиалась въ него глазами, какъ будто она на его эмалевой покрывшѣ, Богъ знаетъ, какія чудеса открыла. Всѣ или молчали, или шопотомъ перекидывались самыми незначительными фразами. Всѣмъ было неловко, тѣмъ болѣе, что ни отъ кого неускользало, что *grande dame* отъ времени до времени перемигивается съ своимъ кузеномъ и язвительно улыбается. Я, конечно, была внѣ себя; но, не привыкшая принимать гостей, я не знала, что и дѣлать. Притомъ, я была сильно раздражена обидными манерами заносчивой гувернантки, вздумавшей разыгрывать въ еврейскомъ обществѣ роль какой то графини. Заговори я съ нею, какъ мнѣ хотѣлось и какъ она заслужила, она сразу очутилась-бы въ своей настоящей роли; но, уважая гостепріимство и во избѣжаніе скандала, я должна была молчать и, свѣрѣя ея сердце, видѣть, какъ мои добрыя, умныя и образованныя подруги тяготятся неловкимъ положеніемъ, въ которое я ихъ поставила приглашеніемъ въ нашъ кружокъ хитрой польки, вздумавшей импонировать *жидушкамъ* своимъ шляхетскимъ происхожденіемъ. Я мысленно упрекала себя за то, что я не догадалась пригласить Исидора Шапсе-

девчачья. Какъ человѣкъ свѣтскій, бывалый, обращающійся въ христіанскомъ обществѣ, онъ однимъ присутствіемъ своимъ сдѣлалъ бы невозможнымъ то натянутое положеніе, въ которомъ мы находились, благодаря нашей неопытности, не свѣтскости Адольфа и скромности, почти запуганности, моего учителя музыки.

Я уже думала, что мы такъ и промучимся весь вечеръ, какъ вдругъ дѣла приняли другой, совершенно неожиданный оборотъ. Въ гостиную вошла мама. Поклонившись всѣмъ гостямъ на новый манеръ, т. е. весьма церемонно, она съ сіяющимъ лицомъ и распростертыми объятіями приблизилась къ своему другу, m-Ne Изабеллѣ.

— Вотъ люблю, — сказала она, крѣпко сжимая протянутыя ей другомъ руки. Сонюшка сомнѣвалась, придете-ли вы, а я сказала, что вѣрно придете, не побрезгаете, потому что вы насъ любите, хотя вы ужъ больше не даете у насъ уроковъ. Вѣдь вы насъ любите по прежнему, панна Изабелла?

Теперь уже до панны Изабеллы дошла очередь краснѣть и конфузиться, что она и дѣлала. Привѣтствіе мамани, въ особенности же фамиліарность, съ которою произнесено было это привѣтствіе, сразу показало моимъ подругамъ, что это *grande dame*, подъ высокомѣрными взглядами которой онѣ за минуту чувствовали себя такъ нехорошо. Онѣ переглянулись между собою, пожали плечами и улыбнулись, а Полинья Кранцъ чуть не приснула смѣхомъ.

M-Ne Изабелла сидѣла, какъ вкопанная; она такъ растерялась отъ смѣшнаго положенія, въ которое она сама себя поставила, что мнѣ даже жаль ее стало. Она съ особеннымъ усердіемъ стала вертѣть свой зонтикъ, и вертѣла до тѣхъ поръ, пока онъ не сломался. Гости, отъ нечего дѣлать, слѣдили за ея странными движеніями, что ее еще больше конфузило. Она не осмѣливалась поднять глаза, боясь встрѣтиться съ насмѣшливыми взглядами торжествующихъ *жидушекъ*, которымъ она прежде импонировала. Ея замѣпательство не ускользнуло отъ вниманія мамани.

— Что это съ вами, панна Изабелла?—спросила она съ участіемъ. Вы сегодня какъ будто не въ духѣ. Вы, можетъ быть, нездоровы?

— Голова что-то разболѣлась,—едва слышно проговорила гувернантка задыхаясь отъ волненія.

— Неудивительно, что разболѣлась, — сказала мама, — когда вы разсѣлись и сидите себѣ въ комнатахъ при такой жарѣ. У насъ развѣ сада нѣтъ? Сонюша! Попроси гостей въ садъ. Я прикажу сервировать чай въ павильонѣ. Эдакъ будетъ здоровѣе и веселѣе. Вы, кстати, побѣгаете и покачаетесь на качеляхъ.

Это была счастливая мысль, которой всѣ обрадовались. Въ одну минуту мы уже были въ саду. Очутившись на, такъ называемомъ, «лонѣ природы», мы почувствовали, какъ будто тяжесть какая-то съ нашихъ плечъ свалилась. Мы повеселѣли и сдѣлались развязнѣе. Мужчины закурили папироски и повели разговоръ между собою, а дамы, взявшись подъ руки, стали гулять по аллеямъ, останавливаясь передъ клумбами цвѣтовъ, и о чемъ-то разсуждая. Полинъба Кранцъ, по обыкновенію, защебатала, какъ беззаботная птичка. М-ле Изабелла, которая уже успѣла оправиться отъ своего замѣшательства, подцѣпивъ меня подъ руку, зашагала со мною по большой аллеѣ и стала спрашивать меня о моихъ подругахъ.

— Онѣ воспитанныя?—спросила она.

— Нѣкоторыя изъ нихъ даже очень образованныя дѣвушки,— отвѣтила я.

— Вотъ какъ!—воскликнула она удивленно и какъ будто не вѣря своимъ словамъ.—Это любопытно. Гдѣ онѣ обучались?

— Однѣ въ пансіонахъ, а другія дома.

— Кто эта стройная блондинка, что въ шелковомъ платьѣ?

— Мэри Тидманъ.

— Знаешь что? Она совсѣмъ не похожа на.... на... затруднялась гувернантка.

— На жидовку?—подхватила я.

— На старозаконную, — поправила гувернантка.

— Она вамъ нравится?

— Да. Elle a un air si distingué. Гдѣ она получила эту выправку?

— Въ Ригѣ.

— Между нѣмцами?—спросила гувернантка, изумляясь. Развѣ у нѣмцевъ такія хорошія школы?

— Лучшій, чѣмъ наши.

Гувернантка закусилa губы и съ минуту молчала.

— Знаешь что, Зося,—начала она потомъ,—если-бы я была мужчиной, то я бы остерегалась влюбиться въ твою Мэри.

— Почему такъ?

— Потому-что она кажется мнѣ очень гордою, недоступною, что пазывается—съ каменнымъ сердцемъ.

— Она собственно не горда, а только серьезна; но сердце у нея доброе и даже очень чувствительное.

— А мнѣ такъ кажется, что твоя рижанка принадлежитъ къ тѣмъ Маріямъ, на одну изъ которыхъ Мицкевичъ жаловался:

Magyla słodkie miłości wygazy
Dzielita skapo w rachubie,
Choc jej kto k o c h a m mówil po sto razy,
Nie rzekła nawet lubię.

Едва гувернантка окончила эту цитату, какъ мы услышала за собою чьи-то шаги. Мы обернулись: передъ нами стоялъ панъ Вацлавъ.

— Такъ и есть, началъ онъ немного конфузясь, но довольно развязно. Гдѣ только моя любезная кѹзина, тамъ уже miłosc тутъ какъ тутъ. Панна Изабелла и miłosc — это двѣ родныя сестры.

— А панъ Вацлавъ и zuchwalstwo—два родные брата, — отшучивалась гувернантка, устремляя на своего развязнаго кузена взгляды, полные самой нѣжной дружбы.

— Что жъ, — продолжалъ молодой человекъ весело, — zuchwalstwo—это наша добродѣтель, нашъ національный характеръ, которымъ мы можемъ гордиться. Что говорить Нѣмцевичъ?

Nie zniży Polak przed obscumi czoła,
Póki ma ogęz, odwagę!.....

— Т-съ!—воскликнула гувернантка грозно, поднявъ руку, чтобы зажать ротъ своему смѣльчаку-кузену. Ты развѣ хочешь прогуляться туда, гдѣ отецъ твой, swiętej pamięci, сложилъ свои кости?

— Что-жъ, —отвѣтилъ Вацлавъ, покручивая свои усики,—когда нужно будетъ сложить кости, такъ и сложу, за этимъ дѣломъ не станеть. Развѣ я не такой же честный полякъ, какъ мой отецъ?

Безпокойство Изабеллы возрастало.

— Слушай, Вацлавъ, — сказала она въ сердцахъ: — ты еще совершенное дитя. Именемъ праха твоего отца-мученика за-кливаю тебя, не играть съ огнемъ. Развѣ *здесь* мѣсто говорить о нашей святой справѣ?

— Надѣюсь, что мы не у шпионовъ какихъ нибудь, — отвѣтилъ Вацлавъ, бросивъ на меня взглядъ, отъ котораго я невольно затрепетала. — Развѣ панна Софія не такая же полька, какъ ты? Она вѣдь всормлена тою же литовскою землею, какъ мы; стало быть, она — наша. При томъ, она твоя воспитанница, слѣдовательно, она стократъ наша. Панна Софія! — воскликнулъ Вацлавъ восторженно, ловко опустившись предо мною на одно колѣно, — благоволите принять hold отъ вашего брата съ тою искренностью, съ которою онъ вамъ его подносить.

И, схвативъ мою правую руку, онъ крѣпко ее пожалъ и поцѣловалъ.

Я чуть не пошатнулась отъ этой неожиданной патетической сцены. М-ше Изабелла также вспыхнула. Я чувствовала, что нервическая дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она высвободила свою руку и приблизилась къ своему бузену, который всталъ и выпрямился. Онъ смѣло смотрѣлъ мнѣ въ глаза и молчалъ, ожидая моего отвѣта. Я молчала, не зная, что отвѣчать. Она молчала, потому что она тоже растерялась. Наше положеніе было странное и въ высшей степени неловкое. Богъ знаетъ, сколько оно продолжалось-бы, если-бы не наша горничная Анеля, которая въ эту минуту подошла къ намъ и объявила, что чай уже сервированъ.

Мы вошли въ павильонъ. Всѣ гости уже были тамъ, и ожидали насъ. Мама хозяйничала. Гости были заняты собою, а потому они не замѣтили нашего замѣшательства, которое легко можно было прѣчитать на нашихъ лицахъ. Мы, впрочемъ, вскорѣ оправились. Вацлавъ, съ свойственною ему развязностью, повелъ разговоръ съ Полиною, сидѣвшею съ нимъ рядомъ, и съ Мэри, находившейся съ нимъ vis-à-vis. Онъ должно быть острилъ, потому что Полина хохотала, а Мэри улыбалась. Я заняла мѣсто между Адольфомъ и учителемъ музыки, дабы быть защищенной отъ всегда неприятнаго

для меня интимнаго разговора съ Изабеллой. Я имѣла удовольствіе замѣтить, что мои гости, по крайней мѣрѣ, не скучаютъ.

Разговоръ, мало по малу, сдѣлался общимъ; каждый имѣлъ случай вставлять свое слово. Но лучше и больше всѣмъ говорили Вацлавъ и Полинъка, которые, казалось, старались перещеголять другъ друга въ остроуміи. Вацлавъ ловко нападалъ, а Полинъка еще ловчѣе защищалась. Гости хохотали и кричали bravo, поддерживая то ту, то другую сторону. Было весело. Даже Адольфъ, разставшись съ своею обыкновенною хандрою, былъ веселъ, смѣялся. Состязаніе его бойкой сестрицы съ польскимъ говоруномъ его почему-то особенно заинтересовало и каждый разъ, когда оно угрожало преобразиться, онъ умѣлъ вставлять такое слово, которое давало новую пищу этому состязанію. Только Мэри почему-то была разсѣяна и даже грустна. Въ разговорѣ она меньше всѣхъ участвовала, меньше всѣхъ и смѣялась. Неужели между нею и Адольфомъ произошла какая-то размолвка?...

Кто-то идетъ ко мнѣ. Окончу завтра...

III.

22-го Іюля.

«Послѣ чаю, рѣшено было пойти въ качелямъ и провести тамъ время до самыхъ сумерекъ. На дорогѣ туда я какъ то незамѣтно опять очутилась между Изабеллою и Вацлавомъ.

— Замѣчательная дѣвушка эта m-lle Полина, — сказалъ Вацлавъ весьма серьезно. — Она истинная находка для нашего дѣла.

— Какъ-такъ? — спросила я машинально, избѣгая вопроса о самомъ *дѣлѣ*, познакомиться съ которымъ мнѣ почему-то не хотѣлось.

— Она въ состояніи воспламенить полсотню юношей, которые по ея мановенію полѣзутъ въ огонь и въ воду.

— Ты, пожалуйста, не преувеличивай, — вставила Изабелла, которой, видно, не понравилось восторженное мнѣніе ея кузена о какой нибудь еврейской дѣвушкѣ. — M-lle Полина — дѣвушка ничего себѣ и только. Какая она для насъ находка — я рѣшительно не понимаю.

— Но я понимаю, что говорю, — отвѣтилъ Вацлавъ почти сердито и замолчалъ